

Алекс Скай

КРЫЛО
НАСЛЕДНИЦЫ

КНИГА
УЧЕТА

ПОПАДАНКА
КЛЮЧНИЦА
ПРОКЛЯТОГО ДРАКОНА

РАЗБУДИШЬ НАСЛЕДНИЦУ — УМРЁШЬ

Алекс Скай

Попаданка-ключница проклятого дракона

<https://litres.ru/74345758>

Аннотация

Я поскользнулась на мокрой лестнице — а очнулась в чужом теле, в замке проклятого дракона.

Теперь меня зовут Нивея Рен. Все здесь ненавидят это имя. Все уверены, что именно я когда-то открыла дверь, после которой маленькая наследница уснула за белой дверью, а её отец, лорд Эйвард Морн, превратился в живую угрозу.

На моей руке — связка ключей от мёртвого крыла. Замок слушает меня. Двери открываются сами. Стены шепчут чужими голосами.

А хозяин замка предупредил: — Разбудишь мою дочь — умрёшь до рассвета.

Я бы держалась подальше от белой двери. Правда.

Но в первую же ночь ко мне приходит детский голос и шепчет: — Ника, не верь моему отцу. В белой комнате сплю не я.

Теперь мне нужно понять, кто солгал дракону, почему замок выбрал именно меня и что скрывает девочка, которой здесь запрещено просыпаться.

Только чем ближе я к правде, тем опаснее становится Эйвард.
Потому что он готов убить за свою дочь.

А я, кажется, единственная, кто может её спасти.

Содержание

Ключи от мёртвого крыла	5
Девочка, которой нет	27
Женщина в чужом сне	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ключи от мёртвого крыла

— Разбудит наследницу — умрёт до рассвета.

Эти слова Ника услышала раньше, чем поняла, что лежит на полу.

Голос прозвучал где-то над ней — глухой, чужой, с тем особенным холодом, после которого люди уже не спорят, а только пятятся назад и молятся, чтобы речь шла не о них. Ника хотела открыть глаза, но веки будто примерзли. Под щекой был камень. Не плитка, не линолеум, не гладкий пол подъезда, где ещё недавно она поскользнулась на мокрых ступенях, торопясь домой, а настоящий камень — шершавый, ледяной, впитавший в себя запах сырости, пепла и чего-то старого, настолько древнего, что от этого хотелось не дышать.

На запястье тянуло тяжестью.

Она попыталась пошевелить рукой — и тут же вздрогнула от металлического звона. Что-то холодное ударило по полу рядом с её пальцами, ещё что-то скользнуло по камню, и вокруг раздался такой испуганный шёпот, будто она не просто пошевелилась, а подняла голову из собственного гроба.

— Очнулась...

— Да тише ты!

— Не подходи к ней. Ключи на ней.

Ключи?

Ника всё-таки открыла глаза.

Сначала мир расплылся. Высокие тени, факелы на стенах, чужие лица, наклонившиеся над ней, — всё качнулось, словно она смотрела через воду. Потом очертания стали резче, и сердце ударило так сильно, что больно отозвалось где-то в горле.

Она лежала в огромном зале.

Не в больнице, не на лестничной клетке, не в квартире, где должен был пахнуть кофе, мокрой курткой и дешёвым шампунем. Вокруг поднимались серые стены с узкими окнами, за которыми металась снежная мгла. По стенам тянулись выцветшие гобелены: драконы с раскрытыми крыльями, башни, объятые северным сиянием, женщины в тяжёлых платьях, державшие в руках связки ключей. У дальней стены стояли слуги — или кто они тут были? — в тёмной одежде. Никто не подходил близко. Все смотрели на неё так, будто ждали, что она сейчас улыбнётся и признается в чём-то страшном.

Ника рывком села.

Голова закружилась. Волосы упали на лицо — не её волосы. Слишком длинные, пепельно-светлые, холодные, как вода подо льдом. Она машинально схватила прядь и замерла, глядя на тонкие пальцы с бледной кожей и чужим перстнем на безымянном пальце.

Это были не её руки.

Не короткие ногти без лака. Не маленький шрам у боль-

шого пальца, оставшийся от разбитой чашки. Не её кожа, не её ладони, не её тело.

Она вдохнула, но воздух застрял.

На правом запястье действительно висела связка ключей. Не на ремешке, не на цепочке — будто вплавленная в широкий браслет из потемневшего серебра. Ключей было много: длинные, тонкие, грубые, изогнутые, с головками в форме крыльев, когтей, роз, глаз и замочных скважин. Они лежали на полу вокруг её руки, как металлические змеи, и Нике показалось, что один из них едва заметно дёрнулся сам по себе.

— Что это? — голос сорвался хрипло, и от собственного звучания ей стало ещё страшнее.

Голос тоже был не её.

Ниже, мягче, с лёгкой чужой протяжностью, будто каждое слово привыкло рождаться в другом мире.

Кто-то из служанок вздрогнул. Мужчина с седыми висками, стоявший ближе остальных, шагнул вперёд, но остановился ровно там, где заканчивался круг света от ближайшего факела. Он был худой, высокий, в безупречно застёгнутом чёрном сюртуке. Лицо его казалось высеченным из старого дерева: сухое, строгое, с глубокими складками у рта. Взгляд — внимательный и усталый.

— Леди Нивея, — сказал он. — Поднимитесь.

Ника уставилась на него.

— Я не... — Она сглотнула. — Я не Нивея.

В зале стало так тихо, что она слышала, как где-то дале-

ко, за стенами, завыл ветер. Не просто ветер — будто огромный зверь провёл когтями по камню.

Седой мужчина не удивился. Даже бровью не повёл. Это было хуже, чем если бы он испугался. Значит, её словам заранее не собирались верить.

— Разумеется, — произнёс он ровно. — Сегодня вы уже не леди Нивея Рен. По воле лорда Морна и по клятве замка вы назначены ключницей мёртвого крыла.

Ника моргнула.

Слова были понятны по отдельности, но вместе складывались в безумие.

— Какой ещё ключницей? Какого крыла? Где я?

Слуги переглянулись. У одной женщины, совсем молодой, дрогнули губы, будто она хотела перекреститься, но вовремя сжала пальцы в кулак. Двое стражников у дверей напряглись. У них за спинами висели не ружья, не электрошокеры, даже не бутафорские мечи из театральной постановки, а настоящие клинки в ножнах. Тяжёлые. Потёртые. С таким оружием не позируют — им убивают.

Ника резко попыталась подняться, но длинная юбка путалась в ногах. Ткань была плотная, тёмно-синяя, расшитая серебром у подола. На груди — тугой корсаж, на плечах — чужой запах лаванды, пыли и холодного камня. Её замутило от осознания: она не просто где-то оказалась. Она была в чужой одежде, в чужом теле, под чужим именем.

— Я не понимаю, — сказала она тише. — Вы ошиблись.

Меня зовут Ника. Ника Соловьёва. Я... я была дома. Почти дома. Там лестница была мокрая, я упала, и...

Она замолчала.

Потому что седой мужчина смотрел на неё с такой вежливой, неподвижной жалостью, что Ника вдруг поняла: он слышит не испуганного человека, а очередную ложь той, кого здесь давно решили не слушать.

— Меня зовут Тарвин, — сказал он. — Я старший дворецкий замка Морнов. С этого часа вы отвечаете за двери северного крыла, за покои, отмеченные чёрной печатью, и за ключи, которые замок оставил на вашей руке. Вы будете открывать то, что велено открыть, и запирайте то, что велено запереть. Вы не покинете пределы замка без разрешения лорда. Вы не войдёте в белую детскую. Вы не приблизитесь к наследнице. Вы не станете произносить её имя в коридорах после заката.

Ника почти не слышала конца. Слова “не покинете” и “не приблизитесь” бились в голове, как птицы о стекло.

— Я ничего не сделала, — выдохнула она. — Я не знаю вашу наследницу. Не знаю вашего лорда. Я вообще никого здесь не знаю!

— Это уже слышали, — сухо сказал кто-то из стражников. Тарвин чуть повернул голову, и стражник тут же опустил взгляд.

— Молчать.

Одно слово — и человек в доспехах прикусил язык. Ника

заметила это. Заметила, потому что ей отчаянно нужно было зацепиться хоть за что-то понятное. Тарвина здесь боялись. Но того, кто отдал приказ, боялись сильнее.

Она медленно поднялась на ноги.

Ключи потянули руку вниз. Не просто тяжёлые — они будто не хотели, чтобы она стояла ровно. Один ключ с головкой в форме закрытого глаза скользнул по запястью и лёг поверх остальных. От него шёл холод, но не обычный, не зимний. Такой бывает от камня в подвале, где никогда не было солнца.

— Снимите это, — сказала Ника и попыталась расстегнуть браслет.

Серебро даже не шелохнулось.

Она нащупала застёжку — её не было. Браслет плотно охватывал кожу, не давил, но сидел так, будто всегда был частью руки.

— Снимите!

В её голосе наконец прорвалась паника. Настоящая, некрасиво рвущая горло, от которой уже не получится казаться разумной. Несколько слуг отступили. Молодая служанка прикрыла рот ладонью. Тарвин шагнул ближе, и Ника сама попятилась, едва не наступив на подол.

— Никто не снимает ключи с ключницы, леди Нивея.

— Не называйте меня так!

Слова ударили в зал и вернулись эхом от высоких сводов. На мгновение что-то в стенах отозвалось. Тихо. Едва

слышно. Будто замок вдохнул.

Все услышали.

Ника поняла это по лицам. По тому, как побледнела молодая служанка. Как один стражник сжал рукоять меча. Как Тарвин впервые посмотрел не на неё, а на стены.

— Замок вас слышит, — сказал он уже тише. — Советую помнить об этом.

— Пусть слышит, — Ника сглотнула и заставила себя выпрямиться. — Может, он хотя бы объяснит, что здесь происходит.

Где-то далеко хлопнула дверь.

Не рядом. Не в зале. Может быть, даже не на этом этаже. Но звук был такой сильный, что пламя в факелах легло в одну сторону, а ключи на её запястье дружно звякнули.

Тарвин побледнел.

— Лорд Морн, — прошептала кто-то из прислуги.

И тогда Ника почувствовала его раньше, чем увидела.

Холод изменился. До этого в зале было просто сыро и зябко, но теперь воздух стал плотнее, тяжелее, будто в него вошла гроза. Люди расступились без приказа. Стражники вытянулись. Тарвин склонил голову.

Высокие двери в дальнем конце зала распахнулись.

Мужчина вошёл медленно, но в его неторопливости не было слабости. Так идёт тот, кому не нужно спешить, потому что всё вокруг и так принадлежит ему. Чёрный камзол сидел на широких плечах безупречно, тёмные волосы были

убраны назад, лицо казалось слишком суровым для живого человека. Но страшнее всего были глаза — серые, почти серебряные, холодные до невозможности. В них не было любопытства. Не было удивления. Только ненависть, выжженная до спокойствия.

Ника сразу поняла: это Эйвард Морн.

Не потому, что кто-то назвал его. Просто весь зал признал его ещё до того, как он остановился в нескольких шагах от неё.

Ключи на её запястье дёрнулись.

Эйвард опустил взгляд на связку, и в его лице что-то изменилось. Совсем немного. На миг Нике показалось, что ярость в нём дрогнула, уступив место чему-то более глубокому, более страшному. Боли. Но это исчезло так быстро, что она не была уверена, не придумала ли сама.

— Значит, замок всё-таки отдал их тебе, — сказал он.

Голос был низкий, негромкий, и оттого ещё опаснее. Нике захотелось отступить. Она заставила себя остаться на месте, хотя ноги плохо слушались.

— Я не знаю, что ваш замок кому отдал, — сказала она.

— Я не та, за кого вы меня принимаете.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

Не улыбка. Скорее след от неё, злой и мёртвый.

— Ты всегда умела выбирать слова, Нивея. Особенно когда двери уже открыты, а мёртвых нельзя спросить, кто повернул ключ.

В зале кто-то шумно втянул воздух.

Ника почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Я не открывала никаких дверей.

— Сегодня — нет.

Он сделал шаг ближе.

Ника ощутила запах снега, ветра и дыма. Не от камина — от грозы после пожара, от неба, которое слишком долго смотрело на землю. Глупая мысль мелькнула и исчезла: дракон. Он действительно был драконом? Не в смысле прозвища, не в смысле власти и характера, а настоящим? В этом мире такое могло быть правдой. После чужого тела и живых ключей уже слишком поздно было смеяться над невозможным.

Эйвард остановился так близко, что она увидела тонкую серебряную линию у него на виске. Не седина. Что-то вроде знака, уходящего под волосы. Ключ с закрытым глазом на её запястье стал ледяным.

— Тарвин объяснил тебе обязанности?

— Он сказал достаточно, чтобы я поняла: меня обвиняют непонятно в чём и держат здесь силой.

— Силой? — Эйвард наклонил голову. — Нет, Нивея. Если бы я держал тебя силой, ты бы уже молила, чтобы замок забрал твой голос.

Стражники опустили глаза. Даже Тарвин отвернулся.

Ника испугалась. Так сильно, что в груди стало пусто. Но вместе со страхом пришла злость — горячая, живая, её соб-

ственная. Может быть, единственное, что осталось от прежней Ники в этом чужом теле.

— Я не буду молить, — сказала она. — Ни вас, ни замок, ни кого бы то ни было. Я хочу знать, где я и почему вы все называете меня чужим именем.

Эйвард смотрел на неё долго.

Слишком долго.

И в этой паузе Ника вдруг поняла, что он не просто не верит. Он не хочет верить. Ему, возможно, было бы легче, если бы она оказалась безумной, лгуньей, кем угодно — только не человеком, который смотрит на него чужими испуганными глазами из лица той, кого он ненавидит.

— Ты в замке Морн, — произнёс он наконец. — В доме, который ты однажды уже поставила на колени.

— Я не...

— Молчать.

Она замолчала не потому, что подчинилась. Просто слово ударило по воздуху так, что факелы на стенах вспыхнули выше. На миг за его спиной будто расправилась тень — огромная, крылатая, с изломанными краями. Ника моргнула, и тень снова стала обычной.

Эйвард поднял руку и указал в сторону бокового прохода.

— Ты будешь жить в комнате ключницы у мёртвого крыла. Есть двери, которые открываются только по приказу. Есть двери, которые не открываются никогда. Если замок поведёт тебя, остановишься. Если ключ потянет руку, отпу-

стишь его. Если услышишь голоса за стенами, не отвечай.

— А если голос попросит о помощи? — вырвалось у Ники.

Она сама не знала, почему спросила именно это.

В зале вновь стало тихо.

Глаза Эйварда потемнели.

— Особенно тогда.

Тарвин едва заметно сжал губы. Молодая служанка, стоявшая у колонны, посмотрела на Нику с таким ужасом, будто та только что шагнула к краю пропасти.

— Вы все чего-то боитесь, — медленно сказала Ника. — Но почему-то никто не говорит прямо.

— Потому что прямые слова будят то, что должно спать, — ответил Эйвард.

Он повернулся первым. Не жестом пригласил — приказал самым движением. Тарвин кивнул двум стражникам, и те заняли места позади Ники. Ей оставалось либо идти, либо снова устроить сцену на глазах у всех. Сцена ничего бы не изменила. Это она уже поняла.

Она пошла.

Подол платья шуршал по камню. Ключи били по запястью, и с каждым шагом их звон казался громче. Проход из зала вывел в широкий коридор, где было ещё холоднее. На стенах горели редкие светильники, но свет от них не разгонял тени, а только делал их глубже. Окна уходили почти до потолка; за мутным стеклом кружил снег. Где-то внизу, на-

верное, был двор, но Ника не видела ничего, кроме белой круговерти и чёрных очертаний башен.

Замок не был пустым. Она слышала его.

Не голосами — нет. Скорее движением. Старое дерево поскрипывало там, где никто не шёл. В глубине стен что-то тихо отзывалось на шаги. Двери, мимо которых они проходили, казались разными лицами: одна узкая, с медной ручкой в форме когтя; другая низкая, будто ведущая в детскую игру, но от неё веяло такой тоской, что Ника отвела взгляд; третья была заколочена чёрными планками, и на каждой планке серебрился знак закрытого глаза.

Ключ с такой же головкой снова стал холодным.

— Это мёртвое крыло? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ещё нет, — ответил Тарвин за её спиной. — Это только его порог.

Ника оглянулась на него.

— Почему оно так называется?

Тарвин посмотрел на Эйварда.

— Потому что там никто не живёт, — сказал лорд Морн. Он не обернулся.

— А раньше?

На этот раз ей ответили не сразу. Они прошли ещё несколько шагов. Где-то за одной из дверей послышался детский смех — тонкий, серебристый, такой внезапный, что Ника замерла.

Стражник сзади резко выдохнул.

Эйвард остановился.

Смех оборвался.

— Это... — Ника не договорила.

— Ветер, — сказал Эйвард.

Ложь была такой явной, что от неё стало холоднее.

Они свернули в более узкий коридор. Здесь стены были не серыми, а почти белыми, хотя светильников стало меньше. Ника сразу поняла, что это место отличается от остальных. Не пылью и не роскошью — тишиной. Здесь даже их шаги звучали иначе, мягче, будто пол не хотел разносить звук. Двери по обеим сторонам были закрыты. На каждой висела тонкая серебряная пластина без надписей.

В конце коридора была ещё одна дверь.

Белая.

Ника остановилась сама.

Не потому, что хотела. Ноги просто отказались идти дальше.

Дверь была совсем простой. Без резьбы, без позолоты, без гербов. Белая поверхность выглядела чистой до неправильности. Ни пылинки, ни царапины, ни следа времени. Вокруг неё камень стены потемнел, будто всё северное крыло постарело, замёрзло и устало, а эта дверь одна осталась нетронутой. Ручки на ней не было. Только замочная скважина — узкая, тёмная, похожая на зрачок.

Ключи на запястье Ники затихли.

Все сразу.

Впервые с момента её пробуждения они перестали звенеть, шевелиться, тянуть руку. Замерли так, словно тоже боялись дышать.

Эйвард медленно повернулся к ней.

Теперь в нём не было показной ярости. Лицо стало ещё строже, но Ника вдруг увидела то, что он пытался скрыть от всех и, может быть, от самого себя. Усталость. Бессонные ночи. Отчаяние, пережитое столько раз, что оно стало частью костей. У человека мог быть такой взгляд только в одном случае: если за этой дверью находилось всё, что он любил, и всё, что он потерял.

— Здесь спит моя дочь, — сказал он.

Слова прозвучали тихо. Но каждый в коридоре услышал. Ника посмотрела на белую дверь.

— Сайра? — спросила она почти беззвучно.

Имя само пришло ей на язык.

Она не знала откуда.

Тарвин побледнел так, что его лицо стало почти одного цвета со стеной. Стражники одновременно шагнули вперёд. Эйвард оказался рядом с Никой быстрее, чем она успела отшатнуться. Его пальцы сжали её запястье выше браслета — не больно, но так крепко, что она почувствовала: вырваться невозможно.

Ключи вздрогнули между ними.

— Кто сказал тебе это имя? — спросил он.

Ника смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Я... не знаю.

— Лжёшь.

— Нет.

— Нивея.

— Я не Нивея!

На этот раз её голос сорвался. По коридору прошёл тихий шелест. Будто за всеми дверями сразу кто-то прислонился к дереву и начал слушать.

Эйвард наклонился ближе.

— Запомни, ключница. Ты можешь лгать мне о своём имени, о памяти, о страхе, о том, что не помнишь сделанного. Но если ты хоть раз произнесёшь имя моей дочери у этой двери после заката, если коснёшься замка не тем ключом, если разбудишь её хотя бы шёпотом...

Он сделал паузу.

И именно в этой паузе Ника услышала, как за белой дверью что-то тихо скользнуло.

Не шаг. Не стук. Скорее лёгкое движение ткани по полу.

Эйвард тоже услышал.

Его лицо изменилось страшно. Ярость исчезла. Остался голый страх — мгновенный, нечеловечески сильный, от которого даже воздух будто обрушился вниз.

И тогда он произнёс то, что Ника, наверное, не смогла бы забыть, даже если бы снова умерла и очнулась в третьем мире:

— Разбудишь мою дочь — умрёшь до рассвета, ключница.
И я не позволю замку выбрать вместо меня милость.

Слова повисли между ними.

Ника не сразу поняла, что дрожит. Не от холода. От того, как он сказал “мою дочь”. Не как хозяин. Не как чудовище. Как отец, которому больше нечего терять.

Она могла бы возненавидеть его за угрозу. Наверное, должна была. Но вместе с ненавистью в ней поднялось другое чувство — опасное, ненужное: понимание. Не оправдание, нет. Только мгновенное, болезненное понимание того, что за этой дверью не просто ребёнок, а рана всего замка. И её, Нику, почему-то поставили прямо перед этой раной с чужим именем и связкой ключей.

— Я не хочу никого будить, — сказала она тише. — Я хочу домой.

Эйвард отпустил её руку.

На коже остался след от его пальцев, но исчез почти сразу. Будто тело Нивеи не желало хранить даже такие доказательства.

— Дома у тебя больше нет, — сказал он.

Ника вздрогнула.

Это было жестоко. Слишком жестоко. Он сказал это не громко, не с усмешкой, не с победой. Просто как приговор, который давно подписан.

— Отведите её, — приказал Эйвард, не глядя на Тарвина.
— До полуночи она должна выучить первые правила. После

полуночи замок начнёт проверять новую ключницу.

— Новую? — переспросила Ника.

Но он уже отвернулся к белой двери.

И в этом движении было столько боли, что вопрос умер у неё на губах.

Тарвин осторожно коснулся её локтя.

— Сюда, леди Нивея.

Ника хотела снова крикнуть, что она не Нивея. Но коридор, белая дверь, молчаливые стражники и лорд Морн, стоящий к ней спиной, вдруг показались такими неподвижными, что любой крик разбился бы о них, как чашка о каменный пол.

Она пошла за Тарвином.

Комната ключницы оказалась не камерой, и от этого было почему-то страшнее. Небольшая, узкая, с высоким окном, за которым снег бился о стекло, словно пытался войти внутрь. У стены стояла кровать под серым покрывалом, рядом — стол, подсвечник, пустая чаша, высокий шкаф и зеркало в потемневшей раме. На противоположной стене висела доска с крючьями, но все крючья были пусты. Будто раньше здесь хранилось что-то важное, а теперь осталось только ожидание.

— Вы будете спать здесь, — сказал Тарвин. — Дверь не заперта снаружи. Но советую не выходить без причины.

— Потому что стража?

— Потому что замок.

Ника обернулась к нему.

Старший дворецкий стоял у порога, сохраняя почтительную дистанцию. Он не был добрым. Но и злым не казался. Скорее человеком, который слишком долго служил дому, где каждая жалость могла обернуться новой бедой.

— Тарвин, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Посмотрите на меня. Я не знаю вас. Не знаю этот замок. Не знаю, что сделала Нивея Рен. Я понимаю, что вы мне не верите, но хотя бы скажите: почему все решили, что я виновата?

Он долго молчал.

За окном ветер бросил в стекло пригоршню снега. В глубине стены что-то тихо скрипнуло, словно замок тоже ждал ответа.

— Потому что в ту ночь, — наконец произнёс Тарвин, — только у Нивеи Рен был ключ.

— От белой двери?

Его глаза дрогнули.

— От двери, которой не должно было существовать.

Ника почувствовала, как холодный ключ с закрытым глазом снова коснулся её ладони. Она опустила взгляд и увидела, что он отделился от связки сам — не упал, не выскользнул, а будто вытянулся к её пальцам, предлагая себя.

— Что это за ключ?

Тарвин посмотрел на него и отступил на полшага.

— Не берите его.

Совет прозвучал слишком быстро. Слишком испуганно.
Ника сразу убрала руку.

— Почему?

— Потому что некоторые двери открываются не в комнаты.

— А куда?

— В то, что осталось.

Он больше ничего не объяснил. Только поклонился, вышел и прикрыл дверь.

Ника осталась одна.

Сначала она стояла посреди комнаты и просто слушала. Шаги Тарвина удалились по коридору. Где-то щёлкнул замок — не на её двери, дальше. Потом ещё один. Потом наступила тишина, в которой слышно было только дыхание, стук сердца и едва уловимый металлический шёпот ключей.

Она медленно подошла к зеркалу.

Женщина в отражении была красивой. Не милой, не уютной, не похожей на Нику ни одной чертой. Высокие скулы, бледная кожа, серые глаза с синим отливом, светлые волосы, падающие почти до талии. Лицо усталое, гордое и чужое. Такое лицо легко ненавидеть, если заранее поверить, что оно принадлежит предательнице.

Ника подняла руку — отражение повторило.

— Кто ты такая? — прошептала она.

Женщина в зеркале не ответила.

Зато ответил замок.

Где-то в коридоре тихо звякнул ключ.

Ника резко обернулась. Дверь её комнаты была закрыта. Под ней лежала полоска бледного света — лунного или факельного, она не знала. По этой полоске медленно двигалась тень.

Маленькая.

Слишком маленькая для взрослого.

Ника перестала дышать.

Тень остановилась у порога.

За дверью послышался тонкий звук, будто детские пальцы осторожно провели по дереву. Не стук. Не просьба войти. Просто знак: я здесь.

Ника сделала шаг к двери и тут же замерла, вспомнив глаза Эйварда.

“Разбудишь мою дочь — умрёшь до рассвета”.

Но она никого не будила. Она вообще ничего не делала. Только стояла в комнате, куда её привели силой, с ключами, которые не снимались, в теле женщины, которую ненавидел весь замок.

Тень под дверью качнулась.

— Кто там? — спросила Ника едва слышно.

Ответа не было.

Она подошла ближе. Очень медленно. Пол под босыми ступнями был ледяным. Каждый шаг казался слишком громким. Ключи на её руке молчали, и это молчание пугало сильнее звона.

У самой двери Ника остановилась.

— Если это шутка, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, — то она плохая.

С той стороны послышался вздох.

Детский.

Ника закрыла глаза.

Нет. Нет, этого не может быть. Не сейчас. Не после угрозы. Не за дверью её комнаты, когда белая детская осталась в другом коридоре. Может быть, это не Сайра. Может быть, здесь полно детей. Может быть, замок подражает голосам. Может быть, она сошла с ума ещё на лестнице и всё это — последний кошмар перед тем, как...

Она не успела додумать.

Голос прозвучал прямо у двери. Тонкий, тихий, печальный. И такой ясный, что Ника почувствовала, как волосы на затылке поднялись.

— Нивея?

Ника прижала ладонь к губам.

Сердце колотилось. Она должна была молчать. Должна была отойти, позвать Тарвина, спрятаться под покрывало, сделать что угодно, только не разговаривать с голосом, который мог принадлежать спящей наследнице проклятого дракона.

Но ребёнок за дверью всхлипнул.

Не громко. Почти беззвучно. Так плачут дети, которые давно поняли: никто не придёт.

И Ника не выдержала.

— Я не Нивея, — прошептала она.

Тишина.

Потом тень под дверью стала чуть ближе, будто тот, кто стоял снаружи, наклонился.

— Знаю.

У Ники похолодели пальцы.

— Кто ты?

Ответ пришёл не сразу. Сначала в коридоре погас один светильник. Потом второй. Полоска света под дверью сузилась, стала синеватой, почти лунной. Ключ с закрытым глазом на её запястье медленно повернулся сам по себе и лёг остриём к замочной скважине.

А потом детский голос прошептал:

— Ника, не верь моему отцу. В белой комнате сплю не я.

Девочка, которой нет

Ключ лёг остриём к замочной скважине так точно, будто его держала невидимая рука.

Ника не двигалась.

Она стояла у двери своей комнаты, босыми ступнями ощущая ледяной пол, и смотрела вниз, туда, где тонкая синеватая полоска света под порогом дрожала, как вода. За дверью больше не было всхлипов. Не было шагов. Только тишина — слишком пристальная, слишком живая, будто весь коридор наклонился к её комнате и ждал, что она сделает.

“В белой комнате сплю не я”.

Эти слова не помещались в голове.

Не потому, что были страшными. Страшного за сегодняшний день случилось уже столько, что Ника, казалось, должна была перестать реагировать. Чужое тело. Чужое имя. Замок, который дышал стенами. Дракон, угрожавший смертью до рассвета. Дочь за белой дверью, которую нельзя будить.

Но девочка знала её настоящее имя.

Ника.

Не Нивея. Не леди Рен. Не ключница.

Ника Соловьёва, которая ещё недавно поскользнулась на мокрой лестнице и, наверное, должна была прийти в себя совсем в другом месте. Если должна была вообще прийти в

себя.

Она медленно подняла левую руку и прижала пальцы к груди, будто хотела убедиться, что сердце всё ещё бьётся. Билось. Быстро, неровно, болезненно. Не чужое — её. Пусть тело было не её, голос не её, лицо в зеркале не её, но страх был настоящий. И упрямство тоже.

— Откуда ты знаешь моё имя? — прошептала Ника.

Ключ на запястье чуть повернулся.

За дверью молчали.

— Ответь мне, — попросила она уже тише. — Я не открою. Я только хочу понять.

Тень под порогом дрогнула. Потом стала тоньше, будто тот, кто стоял за дверью, отступил на шаг. Или исчез.

Ника вцепилась пальцами в тяжёлую ткань платья.

— Ты Сайра?

Из коридора донёсся такой слабый звук, что его можно было принять за вздох дерева в стенах.

— Нет, — прошептал детский голос.

Ника задержала дыхание.

— А кто?

Дверь перед ней осталась неподвижной. Ключ с закрытым глазом вдруг стал тёплым, но не уютно, не по-человечески. Его тепло было неправильным, глубоким, словно металл много лет лежал где-то в темноте и только теперь вспомнил, что умеет хранить чужое дыхание.

— Та, которую не ищут.

Голос растворился.

Синеватая полоска света под дверью погасла так резко, что Ника на миг ослепла. Остался только тусклый отсвет от свечи на столе, собственное неровное дыхание и браслет с ключами, который снова оттягивал руку вниз, будто ничего не случилось.

Она шагнула назад.

Пятка зацепилась за край ковра, и Ника едва не упала. Ей захотелось сесть прямо на пол и больше не двигаться. Не задавать вопросов. Не слышать голосов. Не трогать ключи. Дождаться утра — если в этом замке вообще бывали обычные утра, — и потребовать, чтобы её выпустили. Или чтобы объяснили. Или чтобы хотя бы перестали смотреть на неё глазами людей, уже вынесших приговор.

Но она понимала: если сядет сейчас, то не встанет.

А за дверью только что был ребёнок.

Или кто-то, кто говорил голосом ребёнка.

Ника подняла правую руку. Ключи тихо звякнули, и этот звук почему-то показался ей почти насмешкой.

— Ну хорошо, — сказала она им едва слышно. — Раз вы на мне висите, значит, будем знакомиться.

Она сама не знала, зачем заговорила с железом. Может быть, потому, что с людьми здесь говорить было опаснее. Люди уже решили, что Нивея виновата. Люди боялись замка. Люди молчали, когда должны были кричать.

Ключи хотя бы честно звенели.

Ника подошла к столу, взяла свечу и поднесла её ближе к браслету. Пламя дрогнуло, вытянулось в сторону связки, будто его тоже притянуло. Теперь она могла рассмотреть ключи лучше.

Их было не просто много. Они были разными настолько, что казались собранными из разных жизней. Маленький золотистый ключ с головкой в форме распустившегося цветка. Тонкий чёрный, почти плоский, холодный, как тень. Крупный медный, на котором были выбиты крошечные крылья. Серебряный, похожий на иглу с зубцами. Тёмный ключ с закрытым глазом, тот самый, который уже дважды будто сам тянулся к её пальцам. Ещё один — белый, совсем простой, без украшений. Он лежал в стороне от остальных и не звенел, хотя Ника двигала рукой.

Она коснулась цветочного ключа.

Тот был едва тёплым. Как чашка, которую недавно держали в ладонях.

Медный ключ оказался почти горячим, но стоило Нике повернуться к двери комнаты, как он остыл. Чёрный, наоборот, стал тяжелее и холоднее, когда она приблизила его к шкафу. Серебряный неприятно покалывал кожу, будто предупреждал: не меня. Не сейчас.

Ника медленно обошла комнату.

У окна цветочный ключ потеплел. У шкафа отозвался чёрный. У пустых крючьев на стене, где раньше, видимо, висели какие-то другие связки, сразу три ключа мелко за-

дрожали. А когда она снова подошла к двери, белый ключ, тот самый молчаливый, который до этого почти не двигался, вдруг обжёг ладонь.

Ника вскрикнула и отдёрнула руку.

Свеча чуть не упала.

Она уставилась на белый ключ.

На коже не осталось следа, но ощущение было таким, будто она коснулась живого существа, которое не хотело, чтобы его трогали. Ключ снова лежал неподвижно. Тихий. Безопасный на вид. Чистый, гладкий, почти детский.

Ника больше не сомневалась.

Это был ключ от белой комнаты.

Она не знала, откуда уверенность. Просто знала, как несколько минут назад знала имя Сайры. Или не знала сама — это чужое тело, чужая память, чужие стены подсказывали ей то, чего она не просила.

— Прекрасно, — прошептала Ника, прижимая ладонь к себе. — Значит, ты ещё и кусаешься.

В дверь постучали.

Ника вздрогнула так сильно, что связка ключей ударила по краю стола.

— Леди Нивея?

Голос был женский. Молодой, осторожный, с той самой дрожью, которую Ника уже слышала в зале.

Она не сразу ответила. В памяти ещё стояла маленькая тень под порогом. Детский шёпот. “Та, которую не ищут”.

— Кто там? — спросила она, сама удивившись, как хрипло прозвучал голос.

— Руна. Меня прислал господин Тарвин. Я принесла вам тёплое платье и... — девушка замялась, — и должна показать вечерние правила.

Ника подошла ближе, но открывать не спешила.

— Ты одна?

Пауза.

— Да, леди.

— И ты не маленькая девочка?

За дверью стало так тихо, что Ника пожалела о вопросе ещё до того, как услышала ответ.

— Нет, леди, — произнесла Руна совсем другим голосом.

— Не говорите так в коридоре.

Ника медленно открыла дверь.

На пороге стояла та самая молодая служанка, которая в зале прикрывала рот ладонью. Ей было, наверное, лет восемнадцать или девятнадцать. Тёмные волосы заплетены в тугую косу, на руках аккуратно сложена серая ткань, поверх которой лежал широкий пояс. Лицо бледное, глаза большие, внимательные. Она не смотрела прямо на ключи, но Ника видела, каких усилий ей это стоило.

Коридор за спиной Руны был пуст.

Ника быстро опустила взгляд к полу. Никакой тени. Никакой синеватой полоски. Только обычный свет настенного светильника и каменные плиты.

— Здесь кто-то был, — сказала она.

Руна переступила порог и резко прикрыла за собой дверь, словно боялась, что коридор услышит.

— Не надо, леди.

— Что не надо?

— Говорить о тех, кто приходит.

Ника посмотрела на неё внимательнее.

— Значит, ты знаешь.

Руна сглотнула. Вблизи стало заметно, что девушка дрожит, но не от холода. Она положила платье на кровать и только потом подняла глаза.

— В замке много звуков.

— Это был не звук.

— Иногда стены повторяют то, что было.

— Она назвала меня Никой.

Руна побледнела так резко, что Ника невольно шагнула к ней.

— Тише, — выдохнула служанка. — Ради всего, что ещё держит эти стены, тише.

— Ты слышала это имя?

— Нет.

— Но испугалась.

Руна сжала пальцы на краю сложенного платья.

— Я испугалась потому, что вы произносите невозможное слишком спокойно.

Ника почти усмехнулась. Спокойно? Да если бы Руна мог-

ла слышать, как у неё внутри грохочет страх, она бы отступила к самой стене.

— Я сегодня очнулась на полу в чужом теле, — сказала Ника. — Меня называют именем женщины, которую здесь ненавидят. На руке у меня ключи, которые двигаются сами. Хозяин замка обещал, что я умру до рассвета, если разбужу его дочь. А несколько минут назад под моей дверью стоял ребёнок и сказал, что в белой комнате спит не она. Поэтому нет, Руна, я не спокойна. Я просто ещё не решила, кричать мне или думать.

Служанка слушала, не перебивая. И чем дольше Ника говорила, тем страннее становилось её лицо. Там оставался страх, но к нему примешивалось что-то другое. Не доверие. Пока нет. Скорее осторожное недоумение, будто Руна впервые видела, как Нивея Рен говорит не теми словами, не тем тоном, не той болью.

— Раньше вы бы кричали, — тихо сказала она.

Ника замерла.

— То есть Нивея кричала?

Руна отвела взгляд.

— Леди Нивея умела заставить весь замок слушать.

— А теперь?

Служанка долго молчала.

— Теперь замок слушает сам.

От этой фразы в комнате стало теснее.

Ника медленно выдохнула и посмотрела на ключи.

— Мне нужно понять, как они работают.

— Вам нельзя трогать белый ключ.

— Поздно. Он меня уже обжёг.

Руна едва заметно вздрогнула.

— Значит, белая дверь вас узнала.

— Это плохо?

— Это значит, что после полуночи вы не сможете делать вид, будто вы не ключница.

Ника почувствовала, как по спине снова прошёл холод.

— Что будет после полуночи?

Руна подошла к доске с пустыми крючьями и провела пальцами по дереву. Не коснулась самих ключей, только посмотрела на них, словно на спящих зверей.

— Двери начнут меняться. Не все. Только те, что стоят на границе мёртвого крыла. До полуночи коридор ведёт туда, куда должен вести. После полуночи он ведёт туда, куда помнит. Иногда — в прошлое комнаты. Иногда — в чужую вину. Иногда — просто в стену, если замок не хочет никого пускать.

— В стену? — переспросила Ника.

— Лучше в стену, чем в то, что просит открыть.

Это было сказано тихо, почти буднично, но Ника не почувствовала в словах Руны привычки. Скорее выученный страх. Такой не придумывают за один вечер. Такой впитывают годами.

— А портреты? — спросила она, вспомнив гобелены и

взгляды нарисованных женщин с ключами.

Руна посмотрела на дверь, потом снова на Нику.

— После полуночи портреты шепчут. Не отвечайте им, если они назовут вас по имени.

— По какому имени?

— По любому.

Ника невольно обняла себя левой рукой.

— Чудесные правила. Очень подробные. Не ходи, не отвечай, не трогай, не верь. А если мне нужно выйти?

— Берёте самый тёплый ключ.

— Почему?

— Тёплый ключ знает ближайшую живую дверь.

За стеной вдруг послышался глухой удар, потом второй — будто кто-то бил ладонью по дереву.

Руна побледнела.

— Что это?

— Южная кладовая, — прошептала служанка. — Там с вечера заперлись две девочки с кухни. Не нарочно. Дверь после заката иногда путает сторону замка.

— И их оставят там до утра?

Руна отвела глаза.

— Обычно ждут Тарвина.

— Обычно? — Ника посмотрела на браслет с ключами.

— А если дверь решит, что до утра ей скучно?

— Леди, вам нельзя...

— Мне всё нельзя. Это я уже выучила.

Она подняла руку, пытаясь не показать, как дрожат пальцы. Цветочный ключ отозвался первым — мягким, живым теплом. Не опасным. Не зовущим к белой двери. Просто тёплым, как ладонь человека, который ещё не успел испугаться.

— Этот?

Руна не ответила, но её взгляд сказал достаточно.

Коридор к южной кладовой оказался короче, чем должен был быть. Замок будто нехотя уступил им несколько лишних шагов. За низкой дверью слышались два тихих всхлипа и сиплый детский шёпот:

— Нас забыли...

Ника вставила цветочный ключ в замок.

— Нет, — сказала она громко, хотя сердце билось где-то у горла. — Не забыли.

Дверь открылась с тяжёлым вздохом. Из кладовой выскользнули две девочки-служанки, обе в передниках, с красными от слёз глазами. Одна едва не упала Нике под ноги, другая схватила Руну за рукав.

— Госпожа ключница...

Ника вздрогнула от этого обращения, но не стала поправлять.

— Идите на кухню. И больше никто не запирается после заката без свечи и второго человека рядом. Это правило.

Руна посмотрела на неё так, будто Ника только что не открыла кладовую, а повернула в замке целый кусок будущего.

— У ключницы есть право вводить малые правила для

дверей, — сказала она тихо. — Если замок их примет.

С южной кладовой упала старая ржавая щеколда.

Сама.

Ника посмотрела на неё, потом на Руну.

— Кажется, принял.

Они вернулись быстро. В комнате всё ещё горела свеча, а ключи на браслете снова лежали тяжело и тихо, будто ничего особенного не случилось. Только Ника уже знала: иногда дверь можно открыть не в страх, а просто к двум перепуганным девчонкам, которые хотят выбраться наружу.

Ника посмотрела на связку. Цветочный ключ у её пальцев действительно был тёплым.

— А холодный?

— Холодный ведёт туда, где замок что-то спрятал.

— А горячий?

Руна не ответила.

Этого было достаточно.

Ника посмотрела на белый ключ. Тот лежал неподвижно и невинно, но ладонь всё ещё помнила обжигающее прикосновение.

— Горячий ведёт к Сайре, — сказала она.

— Не произносите её имя.

— Я уже произнесла его перед Эйвардом. И, судя по тому, что я всё ещё жива, мир не рухнул.

— Лорд Морн не мир, — тихо сказала Руна. — Мир иногда милостивее.

Ника подняла на неё взгляд.

— Ты его боишься?

Служанка ответила не сразу. Она подошла к кровати и развернула принесённое платье — плотное, тёплое, простое, без серебряной вышивки. Будто одежда не для леди, а для женщины, которой предстоит работать, ходить по холодным коридорам и не цепляться подолом за каждый выступ.

— Все боятся лорда Морна, — сказала Руна. — Но не все понимают, чего он боится сам.

Ника вспомнила его лицо перед белой дверью. Вспомнила, как у него исчезла ярость, когда за дверью что-то скользнуло. Как он сказал “моя дочь” — не властно, не гордо, а так, словно держался за эти два слова, чтобы не упасть в бездну.

— Он каждую ночь стоит у её двери? — спросила она.

Руна резко подняла глаза.

— Кто вам сказал?

— Никто. Просто я видела, как он смотрит на дверь.

Служанка опустила платье на край кровати.

— Каждую ночь, — призналась она. — После полуночи и до первого серого света. Иногда молчит. Иногда просит прощения. Иногда приказывает замку открыть, но замок не слушается даже его.

Ника невольно посмотрела на свои ключи.

— А меня слушается?

— Пока выбирает.

— Это не одно и то же?

— Нет. Когда замок слушается, он подчиняется. Когда выбирает, он проверяет.

Ника устало провела ладонью по лицу и вдруг снова наткнулась на чужую кожу, чужие скулы, чужие волосы. От этого простого движения её чуть не затошнило. Она отвернулась от зеркала.

— Помоги мне, — сказала она.

Руна застыла.

— В чём?

— Не умереть до утра. Для начала.

По лицу служанки пробежало что-то почти похожее на улыбку — маленькое, испуганное, тут же спрятанное.

— Тогда переоденьтесь. В этом платье вы застрянете на первой же лестнице. А мёртвое крыло не любит, когда ключница падает.

— Оно уже имеет предпочтения?

— У всего старого дома есть предпочтения, леди.

— Не называй меня леди.

Руна моргнула.

— Как же мне вас называть?

Ника открыла рот и тут же закрыла. “Ника” было опасно. “Нивея” — чуждо. “Ключница” звучало как приговор.

— Пока никак, — сказала она. — Если кто-то спросит, ты обращалась ко мне как положено.

Руна кивнула слишком быстро, чтобы это было обычной покорностью. Она поняла. И, может быть, именно поэтому

Ника впервые за этот безумный день почувствовала рядом не врага.

Переодевание оказалось унизительно трудным. Ника едва справилась бы сама с шнуровкой, застёжками и слоями ткани, но Руна помогала молча, ловко и осторожно, не задавая лишних вопросов. Когда тяжёлое синее платье наконец сменилось тёмно-серым, Ника смогла вдохнуть свободнее. Новая ткань была грубее, зато не мешала двигаться. Пояс лёг на талию, а ключи Руна велела пристегнуть к боковому кольцу, чтобы они не били по коленям.

Стоило ключам коснуться пояса, как связка тихо звякнула сама.

Руна побледнела.

— Что?

— Они приняли вас в работе.

— Звучит так, будто я устроилась не туда, куда собиралась.

— Никто не собирается стать ключницей мёртвого крыла.

Руна не сразу убрала с кровати старое синее платье. Она наклонилась к нижнему ящику шкафа, словно вспомнила о чём-то в последнюю минуту, и достала тонкую шерстяную накидку.

Накидка была детской.

Серебристо-белая, с вышитым по краю маленьким драконом, который пытался выглядеть грозным, но получился почти смешным. Ника сразу поняла, кому она принадлежала.

Или должна была принадлежать.

— Это Сайры?

Руна крепче сжала ткань.

— Не произносите...

— Уже поздно, Руна.

Служанка опустила глаза.

— Её вещи убрали после той ночи. Не все. Некоторые комнаты не отдали.

— Комнаты не отдали?

— Замок прячет то, что люди выбрасывают слишком быстро.

Ника осторожно коснулась края накидки. Ткань была холодной, но не мёртвой. В ней ещё держалось что-то детское: запах чистого снега, старого дерева, давно высохших слёз.

— Отнеси это не туда, где прячут, — сказала Ника.

Руна подняла глаза.

— Куда?

— В тёплую комнату. Туда, где слуги ждут рассвета. Пусть они видят, что здесь не только запреты и страх. Если ребёнок в этом замке стал тайной, это не значит, что все должны делать вид, будто её не было.

Руна смотрела на неё долго.

— За такие слова раньше наказывали.

— Тогда начнём с нового правила. У детской двери не лгут и не делают вид, что ребёнка нет.

Связка ключей тихо звякнула.

Не тревожно.

Согласно.

Ника хотела ответить, но в этот момент за дверью раздался низкий удар часов.

Один.

Второй.

Третий.

Каждый звук расходился по стенам, будто в замке билось огромное каменное сердце. Ника считала удары, не понимая, почему Руна так напряжённо смотрит на пол.

Двенадцатый удар был тише остальных.

И после него что-то изменилось.

Не резко. Не так, как если бы вспыхнул свет или рухнула стена. Просто воздух в комнате стал другим. Свеча на столе вытянулась тонким синим языком. Зеркало потемнело, хотя Ника стояла к нему спиной. За дверью коридор, который раньше казался пустым, вдруг тихо зашевелился звуками: далёким скрипом, шорохом ткани, чьим-то невнятным шёпотом.

Руна быстро подошла к двери и приложила к ней ладонь.

— Теперь слушайте внимательно. Если нужно выйти, сначала спрашиваете ключи, потом дверь. Не наоборот.

— Как спрашивать ключи?

— Молча.

— Очень понятно.

— Замок не любит лишних слов после полуночи.

Ника сдержала нервный смешок.

— А до полуночи он просто обожает светские беседы?

Руна посмотрела на неё так испуганно, что Ника сразу пожалела о шутке.

— Простите, — сказала она. — Я не хотела.

— Здесь лучше не смеяться у дверей, которые вас ещё не знают.

Ника сглотнула.

Она подошла к двери и медленно подняла руку со связкой. Сначала ничего не произошло. Потом цветочный ключ стал теплее. Тот самый, который Руна назвала ближайшей живой дверью. Ника коснулась его кончиками пальцев. Ключ будто сам лёг ей в ладонь.

— Этот?

Руна кивнула.

— Откройте.

— А если за дверью не коридор?

— Тогда не шагайте сразу.

Совет был разумный, но от него стало только страшнее.

Ника вставила ключ в замочную скважину. Он вошёл легко, с мягким щелчком, будто замок давно его ждал. Дверь открылась.

За ней был коридор.

Ника успела выдохнуть — и тут увидела, что коридор не тот.

Стены стали темнее, чем раньше. Светильники горели си-

ним пламенем. На правой стене появились портреты, которых Ника точно не видела, когда её привели сюда: женщины в старинных платьях, мужчины с серебряными глазами, дети с серьёзными лицами. Все написаны так живо, что казалось, они просто задержали дыхание.

Руна выглянула из-за её плеча.

— Портретная галерея, — прошептала она. — Она не должна быть здесь.

— А где она должна быть?

— На южной стороне замка.

— Значит, южная сторона решила зайти в гости.

— Не отвечайте им.

Ника уже хотела спросить, кому именно не отвечать, когда ближайший портрет повернул глаза.

Не голову. Только глаза.

Женщина на полотне смотрела прямо на неё. Высокая, бледная, с той же тяжёлой связкой ключей на поясе. Лицо её было суровым и печальным. Губы на портрете не двигались, но шёпот прошёл вдоль стены.

— Вернулась.

Ника застыла.

Руна сжала её рукав.

— Идёмте.

— Она сказала...

— Идёмте.

Но второй портрет уже шептал:

— Не та.

Третий:

— В старой коже новая тень.

Ника почувствовала, как у неё перехватывает дыхание. Портреты знали. Или думали, что знают. Может быть, замок действительно видел больше, чем люди.

— Кто вы? — прошептала она, забыв предупреждение.

Руна резко дёрнула её за рукав.

Сразу все портреты замолчали.

Тишина стала такой полной, что Ника слышала, как цветочный ключ в её ладони треснул.

Не сломался — просто звук был похожий. Тепло ушло. Ключ стал холодным.

Руна закрыла глаза.

— Вы ответили.

— Я спросила.

— Для них это одно и то же.

По дальнему концу коридора прошёл ветер, хотя окон здесь не было. Одна за другой рамы портретов начали темнеть. Лица на полотнах отворачивались, но не все. Женщина с ключами продолжала смотреть на Нику.

Её губы наконец дрогнули.

— Три молчащих ключа.

Ника вскинула голову.

— Что?

Руна почти силой потянула её вперёд.

— Не слушайте.

— Подожди. Я уже слышала это. Девочка сказала...

— Не здесь.

— Руна!

Служанка обернулась к ней с таким отчаянным выражением, что Ника замолчала.

— Хотите дожить до утра? Тогда не спорьте с портретами в коридоре, которого здесь нет.

Это подействовало.

Ника пошла за ней. Коридор тянулся длиннее, чем должен был. Портреты молчали, но теперь молчание было не пустым. Оно преследовало. Ника чувствовала на затылке нарисованные взгляды. Иногда справа или слева слышалось лёгкое дыхание, но она заставляла себя не поворачивать головы.

В конце галереи стояло высокое узкое зеркало.

Ника замедлила шаг.

Руна заметила.

— Не смотрите.

Конечно, после таких слов Ника посмотрела.

В зеркале отражались они обе: Руна, бледная и напряжённая, и Ника в чужом сером платье, с ключами у бедра. За их спинами тянулась портретная галерея. Синие светильники. Тёмные рамы. Пустой коридор.

Почти пустой.

У самой дальней стены, там, где в настоящем коридоре никого не было, в зеркале стояла девочка.

Маленькая, тонкая, в белой ночной сорочке, с тёмными волосами, рассыпанными по плечам. Лица Ника сначала не видела — девочка стояла боком, опустив голову. Потом та медленно подняла взгляд.

Серые глаза.

Как у Эйварда.

Ника не смогла отвести взгляд.

— Сайра, — выдохнула она.

Руна тихо всхлипнула рядом, но не убежала. Только вцепилась в рукав Ники так сильно, что ткань натянулась.

Девочка в зеркале приложила палец к губам.

Потом подняла другую руку.

В её ладони лежали три ключа.

Они не звенели. Ника поняла это ещё до того, как услышала тишину вокруг них. У ключей не было голоса. Не было металлического отклика. Они существовали так, будто их вырезали из самого молчания.

Девочка заговорила, но звук пришёл не из зеркала. Он прозвучал у Ники в груди.

— Найди три молчащих ключа.

Ника едва заметно качнула головой.

— Где?

Сайра посмотрела куда-то в сторону, будто слышала шаги. Её лицо испуганно изменилось, и в этот миг Ника увидела в ней не тайну, не проклятие, не наследницу рода, а просто ребёнка. Напуганного, одинокого, отчаянно пытающегося

ся успеть сказать главное.

— Первый не висит, — прошептала Сайра. — Второй не открывает. Третий не твой.

— Что это значит?

— Не отдавай белый.

— Кому?

Девочка вдруг повернула голову.

В настоящем коридоре за спиной Ники раздались шаги.

Тяжёлые. Ровные. Знакомые.

Руна отпустила её рукав и отступила к стене, низко склонив голову.

Ника обернулась.

Эйвард Морн стоял в нескольких шагах от них.

Он был без плаща, в тёмном камзоле, будто не собирался спать вовсе. Лицо суровое, глаза холодные, но в этом холоде теперь было что-то опаснее ярости: внимательность. Он смотрел не на Руну, не на портреты, не на оживший коридор. На Нику.

— Я запретил вам приближаться к детскому крылу.

Ника резко посмотрела назад. Зеркало стало обычным. Пустым. В нём отражались только она, Руна и Эйвард, стоящий в конце галереи.

— Я не приближалась, — сказала Ника, стараясь не выдать, как сильно колотится сердце. — Это крыло само пришло к моей двери.

Эйвард перевёл взгляд на стены.

Портреты вокруг них стали неподвижными. Слишком неподвижными. Как дети, притворившиеся спящими, когда в комнату вошёл взрослый.

— После полуночи замок проверяет границы, — сказал он. — Но он не ведёт туда, куда ключница не хочет попасть.

— Тогда у вашего замка плохое чувство юмора, потому что я хочу попасть домой.

На лице Эйварда ничего не изменилось, но Руна едва слышно втянула воздух.

— Дом, — повторил он тихо. — Как быстро вы вспомнили слово, которое когда-то продали за право открыть чужую дверь.

Ника почувствовала, как злость поднимается, горячая, спасительная. С ним было страшно, но ещё страшнее было молчать и позволять его ненависти каждый раз становиться правдой просто потому, что она не могла доказать обратное.

— Я ничего не продавала.

— Конечно. Сегодня вы только ничего не помните.

— А вы помните всё?

Он замолчал.

Ника сама не ожидала, что попадёт так точно. Эйвард не отвёл взгляд, но в нём что-то на миг сдвинулось. Очень глубоко, под слоем власти и угроз. Неуверенность? Нет. Боль, которую он заставил стоять смирно.

— Достаточно, — произнёс он.

— Нет, не достаточно. Вы угрожаете мне смертью, назы-

ваете чужим именем, запрещаете подходить к двери, но никто не объясняет, что случилось. Даже сейчас вы говорите так, будто я обязана знать то, чего не знаю.

— Вы обязаны молчать, когда речь идёт о моей дочери.

Ника вспомнила девочку в зеркале. Палец у губ. Три беззвучных ключа. “Не отдавай белый”.

— А если ваша дочь не там, где вы думаете?

Эйвард стал совсем неподвижным.

Руна тихо прошептала:

— Леди...

Ника поняла, что сказала слишком много, слишком прямо. Но было поздно. В воздухе между ней и Эйвардом уже стояли эти слова, и забрать их назад не получилось бы даже приказом.

Он подошёл ближе.

Руна отступила ещё на шаг. Ника осталась на месте, хотя ключи у пояса вдруг стали тяжелее.

— Что вы слышали? — спросил Эйвард.

Не “видели”. Не “придумали”. Слышали.

Значит, он допускал.

И от этого Нике стало ещё тревожнее.

— Почему вы решили, что я что-то слышала?

— Потому что только глупец задаёт такой вопрос у зеркала Морнов после полуночи. Вы многое умеете, Нивея, но глупой никогда не были.

— Я не...

— Не произносите эту ложь снова.

— Это не ложь.

— Тогда что?

Она едва не сказала. Почти сорвалось: “Я Ника”. Почти вырвалось всё — про лестницу, про другой мир, про голос ребёнка за дверью, про зеркало и три молчащих ключа. Но Руна смотрела на неё с такой мольбой, что Ника удержала слова.

Если замок слушал, то кто ещё слушал вместе с ним?

— Я не знаю, что это, — сказала она честно. — Но я не та женщина, которую вы ненавидите.

Эйвард смотрел на неё долго. В коридоре стало слышно, как где-то далеко скребётся дерево о камень. Одна из дверей за его спиной медленно приоткрылась на палец, но Эйвард даже не обернулся.

— Завтра вы останетесь в комнате ключницы до моего приказа.

— Я пленница?

— Вы опасны.

— Для кого? Для вас? Для замка? Для девочки, которую нельзя будить?

Его глаза вспыхнули серебром.

— Не испытывайте моё терпение.

Ника шагнула ближе сама. Она не планировала. Тело двинулось раньше мысли, и, может быть, в этом было безрассудство, но отступить сейчас значило принять его правду.

— А вы не испытывайте моё молчание, лорд Морн. Я очнулась здесь несколько часов назад. Мне страшно. Я не понимаю ваших правил. Но я уже поняла одно: в этом замке все боятся говорить о Сайре, будто молчание когда-нибудь спасало детей.

Последние слова вышли тише, чем она хотела.

Эйвард резко отвернулся.

Не как человек, которому нечего ответить. Как человек, которому ответ стоит слишком дорого.

— Руна, — сказал он.

Служанка вздрогнула.

— Да, милорд.

— Отведите ключницу обратно. Если ещё раз дверь её комнаты окажется открытой после полуночи, отвечать будете вы обе.

— Да, милорд.

Ника ждала, что он уйдёт. Но Эйвард прошёл не к выходу, а мимо них, дальше по коридору, туда, где за поворотом начинался путь к белой двери. И снова замок изменился. Светильники вдоль стены один за другим вспыхивали перед ним, хотя он не поднимал руки. Портреты опускали глаза. Двери плотнее прижимались к косякам.

Он действительно был здесь хозяином.

И всё же, когда Эйвард дошёл до поворота, Ника увидела, как его правая рука на миг коснулась стены. Не властно. Не приказывая. Почти устало. Так человек касается двери ком-

наты, где кто-то очень долго не отвечает.

Руна потянула Нику назад.

— Быстрее.

— Он правда стоит там каждую ночь?

— Не спрашивайте меня больше об этом.

— Значит, правда.

Руна не ответила.

Они вернулись в комнату ключницы другим путём. Или тем же, но замок уже поменял его. Вместо портретной галереи за дверью оказался короткий коридор с низким потолком и тремя кладовыми. Руна почти втолкнула Нику внутрь комнаты, вошла следом и закрыла дверь.

— Вы хотите погибнуть? — прошептала она.

— Нет.

— Тогда зачем сказали ему о детской?

— Я не сказала о детской. Я сказала, что Сайра может быть не там.

Руна закрыла глаза, будто эта разница была слишком слабой защитой.

— Этого достаточно.

Ника прислонилась спиной к столу. Усталость накатила внезапно. Не сон — до сна было далеко. Просто тело, чужое и измученное, наконец напомнило, что за несколько часов пережило слишком много. Но голова оставалась ясной, даже болезненно ясной.

— Руна, кто такая Нивея Рен?

Служанка стояла у двери, прислушиваясь к коридору.

— Вы были леди при доме Морнов.

— Не я.

— Леди Нивея была.

— Кем она приходилась Эйварду?

Руна медленно повернулась.

— Никем, кто имел право открывать ту дверь.

— Но ключ у неё был.

— Да.

— Почему?

— Потому что замок не всегда выбирает тех, кому доверяют люди.

Ника посмотрела на пустые крючья на стене. “Первый не висит”. Слова Сайры всплыли так ясно, что она вздрогнула.

— Здесь раньше висели ключи?

— Здесь раньше жили ключницы.

— Их было много?

— Достаточно, чтобы замок помнил каждую.

Ника подошла к доске с крючьями. Провела пальцами по дереву. На нём были царапины, пятна, потемневшие следы от металла. Под каждым крючком — маленькая пластина без имени. Или имена стёрлись. Она наклонилась ближе и заметила: на одной пластине буквы всё же сохранились. Не полностью. Только хвостик, изгиб, едва видимый след.

— Тут что-то было написано.

Руна подошла к ней, но не слишком близко.

— Старые имена.

— Почему их стерли?

— Потому что после Нивеи никто не хотел помнить ключниц.

Ника коснулась ближайшего крючка.

Связка у её пояса неожиданно потянулась к доске. Не вся — только один маленький, почти незаметный ключ. Он был серым, без украшений, с короткой бородкой. Ника раньше не обращала на него внимания, потому что он терялся среди более красивых и странных.

Теперь он молчал.

Совсем.

Даже когда Ника взяла его, металл не звякнул о соседние ключи.

Она подняла его на ладони.

Руна отступила.

— Что это?

— Не знаю, — сказала Ника. — Но, кажется, первый.

— Первый что?

Ника не ответила.

Она поднесла ключ к пустому крючку. Тот не нагрелся, не охладел, не дрогнул. Просто лёг в ладонь тяжело и тихо, словно в нём не было ни единого звука.

Первый не висит.

Сайра сказала: найди три молчащих ключа.

У Ники пересохло во рту.

— Мне нужна кладовая, — сказала она.

Руна моргнула.

— Что?

— Ты сказала, после полуночи двери меняются. А мне нужно понять, что делает этот ключ. Где ближайшая обычная кладовая?

— Зачем?

— Потому что если открыть сразу опасную дверь — это глупо. А если начать с кладовой, может быть, замок решит, что я просто ищу... — Ника запнулась, пытаясь подобрать безопасное слово, — что-нибудь полезное.

Руна смотрела на неё так, будто перед ней был человек, который решил проверить, кусается ли пропасть, бросив туда собственную ногу.

— После полуночи нет обычных кладовых.

— Тем более начнём с ближайшей.

— Леди...

— Руна. Если я ничего не буду делать, меня всё равно обвинят. Если буду делать не то, возможно, умру. Но если я пойму хоть одно правило раньше остальных, у меня появится шанс.

— Шанс на что?

Ника сжала молчащий ключ.

— Узнать, почему девочка, которой нет, знает моё имя.

Руна не согласилась. Это было видно. Но она и не отказалась. Может быть, потому, что сама хотела знать. Может

быть, потому, что в её страхе уже появилась та же трещина, что и в молчании замка.

Она открыла дверь осторожно.

За ней действительно был короткий коридор с тремя кладовыми. Ника почти обрадовалась этому — до тех пор, пока не заметила, что дверей стало четыре.

Четвёртая находилась там, где раньше была глухая стена.

Низкая, тёмная, без ручки. Только замочная скважина на уровне груди.

Руна побелела.

— Этой двери не было.

— А теперь есть.

— Не открывайте.

Молчащий ключ в ладони Ники остался холодным. Не тёплым, не обжигающим. Просто тяжёлым, беззвучным, окончательным.

— Это кладовая? — спросила Ника, хотя уже знала ответ.

— Кладовая вторая слева, — прошептала Руна.

Ника посмотрела на вторую слева дверь. Обычная, грубая, деревянная, с железной ручкой. Цветочный ключ у пояса потеплел, предлагая себя. Безопасный вариант. Живая дверь. Предсказуемый путь.

Но молчащий ключ лежал в руке так, будто ждал не выбора, а признания.

Ника заставила себя сделать шаг ко второй двери.

— Начнём с обычной, — сказала она больше себе, чем

Руне.

Цветочный ключ легко вошёл в замок. Дверь открылась с тихим скрипом.

За ней пахло пылью, холодной тканью и старым деревом. Кладовая. Настоящая. На полках лежали покрывала, связки верёвок, пустые подсвечники, коробки без надписей. Ника почти рассмеялась от облегчения, но вовремя вспомнила предупреждение Руны и только выдохнула.

— Видишь? — сказала она. — Иногда дверь — это просто дверь.

И в этот момент молчащий ключ в её ладони впервые стал тёплым.

Не сам по себе.

Он потянулся вперёд.

Ника не успела отступить. На дальней стене кладовой, между двумя полками, где секунду назад были только тени, проступила узкая белая линия. Потом ещё одна. Затем контур двери.

Руна шепнула что-то испуганное, но Ника уже не слышала.

Белая линия расширялась. Дерево полок темнело, исчезало, отступало в стороны, будто кладовая была всего лишь занавеской, а за ней всё это время прятали другую комнату.

Молчащий ключ сам поднялся к новой замочной скважине.

— Нет, — сказала Ника.

Но её рука дрогнула.

Не потому, что она хотела открыть. Потому что ключ не спрашивал.

Замок щёлкнул.

Дверь внутри кладовой распахнулась беззвучно.

За ней была детская.

Белые стены. Высокое окно, за которым не было снега — только неподвижный серый свет. Маленькие стулья. Разбросанные деревянные фигурки драконов. Полка с куклами, отвернувшими лица к стене. И кровать под лёгким белым пологом.

Ника стояла на пороге и не могла вдохнуть.

Потому что на кровати лежала не Сайра.

Под белым покрывалом, неподвижная, с закрытыми глазами и пепельно-светлыми волосами, рассыпанными по подушке, спала взрослая женщина.

Та самая, чьё лицо Ника видела в зеркале.

Нивея Рен.

А рядом с её неподвижной рукой лежал второй молчащий ключ.

Женщина в чужом сне

Ника не сразу поняла, что перестала держать свечу ровно.

Пламя в её руке вытянулось, дрогнуло и задышало синевой, хотя в детской за спрятанной дверью не было ветра. Восковая капля скатилась по подсвечнику, упала ей на пальцы, но боли она почти не почувствовала. Вся боль, весь страх, вся невозможность этого мира сосредоточились там, на маленькой белой кровати под пологом, где лежала женщина с её нынешним лицом.

Нивея Рен.

Не отражение. Не портрет. Не шёпот за стеной. Не чужое имя, которым её били с момента пробуждения.

Настоящая.

Неподвижная, бледная, почти прозрачная в сером свете странной детской. Пепельно-светлые волосы рассыпались по подушке так же, как у Ники в зеркале. Тонки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.